

НАША СТРАНА

Год издания 76-й. Буэнос Айрес, 3 июля 2024

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 3 de julio de 2024

No 3225

Романтизм, подлость и реализм

Сначала о романтизме. Самым сильным кинопечатлением моего детства был фильм «Выстрел», снятый в 1966 году по пушкинскому рассказу. Точнее, даже не весь фильм, а один фрагмент из него. Шестиминутный эпизод, в котором показаны и ссора Сильвио с графом, и их дуэль.

Это редчайший случай в советском кино, когда при экранизации русской классики сохранён её дух. Он сохраняется целых шесть минут. Что касается остального часа с лишним экранного времени данного фильма, то там, конечно, полно советского абсурдизма и нонсенсов. Но за эти шесть минут я буду благодарен режиссёру Науму Трахтенбергу всю жизнь.

Принято утверждать, что главный герой «Выстрела» - загадочный Сильвио. Рассказчик подчёркивает, что ничего не знает ни о его положении, ни об источниках доходов, ни о национальности.

Говорится, что Сильвио называет себя русским, но носит иностранное имя. Какое - не говорится («я буду называть его Сильвио»). Основное занятие героя - поить офицеров шампанским и упражняться в стрельбе из пистолета. В последнем абзаце сообщается, что Сильвио погиб, сражаясь за свободу Греции (прямая отсылка к Байрону). В общем, герой эпохи господства романтизма.

История романтизма довольно занята. Он основан на иррационализме «Штурм унд дранга». Романтизм был его прямым проявлением. Его обычно считают немецким явлением, уделяя недостаточно внимания тому, что основной идеолог «Штурма и натиска» Иоганн Георг Гаман (называемый «маг Севера») долгое время жил в Лондоне, где на него и снизошло «озарение». Да и вся романтическая традиция была сформирована байронами и шелли даже в большей степени, чем их немецкими соратниками. Это был один из британских подарков человечеству.

Разумеется, Пушкин не мог знать, что таких сюрпризов у англичан припасено на 200 лет вперёд. Но дары, сделанные при его жизни, он описал безошибочно.

С романтиками всё ясно, и они никогда особо не интересовали меня. В «Выстреле» меня впечатлил не Сильвио, а граф. Я увидел русского в его естественных условиях. Русского гусара, русского барина, русского человека. Это ведь злокозненная подлость - внушать русским самоотжествление с крестьянами. Понятно, что крестьян в России было под 90%. Но в исторической ретроспективе их везде было под 90%. Однако стоит сказать «француз», и из подсознания возникает образ мушкетёра, слово «японец» ассоциируется с самураем, а уж слова «поляк» и «шлятич» - это почти синонимы. Англичанин - как

минимум джентльмен, если не лорд.

Разумеется, в XX веке повсеместно имели место социальный прогресс и демократизация культуры. Но в сам фундамент существующих ныне культур были положены аристократические образы.

Знаете, какая легенда является самой популярной в Чехии?

Легенда о бранических рыцарях.

Рассказывают, что это чешские рыцари, много веков спящие внутри горы Бланик. Когда чехам будет хуже всего, когда страна и народ окажутся на краю гибели, рыцари проснутся, выйдут на свет и станут сражаться. Похоже, каждый чех хочет верить, что такой браницкий рыцарь скрыт и внутри него самого.

Советская культура представляет собой исключение. Советские предпочли крестьянскую самоидентификацию. Это сделало советских планетарными маргиналами, утратившими способность понимания образа мыслей как западных европейцев, так русских.

Например, советские искренне не могут понять, почему у поляков к ним больше претензий, чем к немцам.

Ведь с советской точки зрения немцы убили в Польше миллионы людей, а советские расстреляли всего лишь несколько тысяч пленных офицеров. Но для поляка эти офицеры - дворяне, цвет нации и соль земли, в их лице убивалось лучшее, что было в Польше.

Знакомая полька рассказывала, как при социализме, когда в стране официально была принята советская версия Катыни, за закрытыми дверями учителя истории неофициально излагали ученикам версию, ныне ставшую общепринятой. Ни история, ни политика эту польку особо не интересуют. Человек она довольно циничный, чуждый любых сантиментов. Происходит из бедной деревенской многодетной семьи. Она

даже помнит, что её бабушка жила в хижине с соломенной крышей.

Но видели бы вы, с каким жаром она говорила о расстрелянных в Катые офицерах. Ведь это были лучшие представители её народа. А людям свойственно отождествлять себя с лучшими. Но только не советским.

Тщательное прививание советским пролетарско-крестьянской самоидентификации - это внушение объекту, что его удел - социальное дно, а блага этого мира созданы не для него. Именно объекту, а не человеку. Потому что в данном случае он выступает не как субъект, а как объект внушения. Говоря совсем просто, это наезд и опускание.

Достаточно посмотреть, сколько бреда совки написали по поводу 150-летия отмены крепостного права. Решили впечатлить бытом крестьян. Как будто в других странах крестьяне жили по-другому. Но жителей других стран советские крестьянами не считают.

Повергнув своих противников, советские распевали «И летели наземь самураи. Под напором стали и огня» или «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки», хотя рядовой состав и польской, и японской армий, естественно, тоже состоял из мобилизованных крестьян. Советские пропагандисты до сих пор лезут из кожи вон, чтобы доказать, что русский в Российской Империи - это некто завшивленный, неграмотный и выпоротый. Даже сейчас они не успокоились. А уж что творилось во времена моего детства... Всем подлостям подлость.

И вот на фоне вакханалии национального унижения однажды я вдруг увидел настоящего русского.

Русский изволил завтракать, и нацеленный противником пистолет не мог ему помешать. Не помню, сколько лет мне тогда было, но в мозг на всю жизнь впе-

чаталось, что настоящие русские выглядели и вели себя именно так.

Однако русская культура не достигла бы вершин реализма, если бы образ графа исчерпывался хладнокровием на дуэли. Придумать супермена несложно. Обычно этим занимаются националисты всех наций. Однако у дуэли графа с Сильвио было продолжение. И во время второго поединка граф повёл себя уже не как супермен.

Тут важно разобраться с возрастом героев. Снявшиеся в фильме актёры были старше своих персонажей. В момент съёмки Козакову было 32, а Яковлеву - 38. Однако у Пушкина всё по-другому. У него Сильвио старше, чем граф. В момент дуэли Сильвио около 29, а графу - около 21 года. Во время их второй встречи Сильвио достигает примерно тридцатипятилетия, а графу лет 27.

То есть гусар, равнодушно поедающий черешню под дулом пистолета - это двадцатидвухлетний мальчишка. Шесть лет спустя он, как предписывают соображения чести, по-прежнему готов встать перед противником, за которым остался выстрел. Но делает это без особого энтузиазма. Да и щепетильность в вопросах дуэльного кодекса у него уже совсем не та, что раньше. Теперь это взрослый человек. Ему 27, и у него медовый месяц (обстоятельство, которые создатели фильма предпочли не акцентировать).

Однако каков Сильвио! В 29 лет он спровоцировал на поединок 21-летнего юношу. Единственная причина - зависть (граф моложе, богаче, талантливее и популярнее, чем Сильвио). Потом он шесть лет ждал, когда граф выйдет в отставку и женится. И нагрянул к нему в медовый месяц со своим нереализованным правом на выстрел.

Тридцатипятилетний мужик посвятил целые годы жизни мести... ни за что (граф не сделал ему ровным счётом ничего дурного).

В фильме графа пытаются выставить человеком, нарушившим правила чести, а романтика Сильвио - образцом благородства. Но граф своей чести ничем не запятнал. Он просто перестал быть гусаром, только и всего. А романтик на проверку оказался невротиком, чтобы не сказать социопатом.

Что же касается русской культуры, то её знаменитый реализм заключается не в том, чтобы приплетать ни к селу ни к городу крестьян. В одном десятистраничном русском рассказе иной раз можно увидеть больше жизненной правды, чем в некоторых многотомных эпопеях других литератур. Русский граф оказывается живым человеком, ведущим себя в 27 не как в 21, а в отставке - не так, как в гусарском полку. И как-то сама собой становится видна иллюзорность романтического ореола его противника. Причём происходит это исподволь, как бы ненароком.

РФ, СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ, ВЬЕТНАМ, КРАСНЫЙ КИТАЙ

Все эти "государства" созданы грабителями во имя грабежа, ради грабежа и при помощи грабежа, а химерическая экономическая теория по коллективной эксплуатации нагребленного это акциденция - она то появляется и применяется, то, как сейчас, во времена второго НЭПа, нет.

Грабители создали вокруг своего грабежа романтический историософский флер, празднуют дни создания армий грабителей, победы армий грабителей и т. д., то есть это нравственно умопомешанные и морально ущербные популяции, реконструкция общественных и этических систем которых входит в число важнейших задач человечества, если оно хочет и дальше жить на планете земля.

Ибо если в основании некоего общества и государства узаконенный грабеж - оно будет грабить своих граждан и другие государства и дальше - это его первооснова, суть, историческая колея.

Что мы и наблюдаем ныне, конечно, причём не только вокруг конфликтов Российской Федерации, но и вокруг Красного Китая и Тайваня, Корейской Республики и Северной Кореи.

А. Григорьев

Б. Моравин

ПРОФ. И. Ф. ЕСАУЛОВ

КАК СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ ПУШКИНА?

У нынешнего поколения школьников РФ явные проблемы с пониманием текстов русской классики.

Что с этим делать? Я столько раз уже критиковал нашу систему гуманитарного образования — и советскую, и постсоветскую (не голословно, а с «конструктивными», так сказать, предложениями), что мне наконец и самому надоело это бессмысленное сотрясение воздуха.

Тем более что не существует никакого особого алгоритма — ни научного, ни педагогического, который бы гарантированно смог научить школьников «правильно читать Пушкина». В конечном счёте всё зависит от талантливости (или бесталанности) самого учителя. Увы, то же самое можно сказать и об учениках. Волшебство пушкинского гения в том, что нужно научиться отдаваться его волшебным строфам — и терпеливо, без раздражения — перечитывать их всю свою жизнь.

В настоящее время в нашей — некогда «самой читающей стране мира» — именно с этим самые большие проблемы. Конечно, какой-то минимальный исторический контекст знать нужно для всех носителей русской культуры. Но какой? Необходимо, например, знать, что Пушкин определённо не мог — исходя из своей родословной и из своих представлений — противостоять Государству Российскому и желать ему гибели.

Необходимо знать, что он был из самого верхнего слоя русской элиты того времени (что определялось отнюдь не количеством денег, но той же самой родословной), чувствовал собственную личную ответственность за русскую судьбу, верил в «особое предназначение» России, а потому и утверждал, что «ни за что на свете... не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Однако же не нужно и преувеличивать значимость этого исторического контекста. Если мы будем исходить, следуя за академиком Михаилом Гаспаровым, из того, будто бы «душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки», то тогда нужно вообще исключить Пушкина из школьного образования — и преподавать его исключительно в университетах, да и там особо проверенным пушкинистам, которые «ответственно» будут его подавать «правильно».

Нет, Пушкин, как и другие русские гении, прежде всего нам открывает что-то в нашей собственной русской душе, его творчество лишь отчасти принадлежит (и лишь отчасти обьясняется) его (пушкинской) эпохой. Он помогает нам лучше понять нас самих; притом в детском возрасте — одно, в юношеском — другое, в зрелом возрасте — третье.

Поэтому всё-таки нужно прежде всего читать самого Пушкина — и лишь потом «пушкинистов».

Спрашивают, как оценивать литературные «хулиганства» Пушкина и вообще свойственное романтизму заигрывание с демонологией? Речь о поэме «Гавриилиада» или о «Сказке о попе и работнике его Балде». Не придёт ли в голову обывателю мысль: и как после этого Пушкин может считаться православным писателем?

Разве недостаточно покаянных

свидетельств поэта: «...горят во мне/Змеи сердечной угрызенья»; «И с отвращением читая жизнь мою,/Я трепещу и проклиная,/И горько жалуясь, и горько слезы лью...»?

Или вспомним позднейшее: «Грех алчный гонится за мною по пятам».

К чему нам быть филологическими фарисеями-законниками, стремящимися показать, что они святее самого папы римского? Слава Богу, ныне никем всерьёз не оспаривается вектор духовного пути нашего национального гения — от эпикурейских проказ юности и последующих уроков «чистого афеизма» к письму Чаадаеву, позднему прозе и лирике («Капитанской дочке» и «Каменноостровскому циклу»).

Так, если мы обратимся к этому последнему незаконченному пушкинскому циклу, написанному им в последний год его земной жизни, а я посвятил его изучению несколько своих статей, то можем задуматься, отчего в финальном стихотворении этого цикла — «Памятнике» — поэт написал о себе: «не требуя венца», то есть заслуженной награды? Это ведь было бы, как представляется, справедливо? Так полагали и Гораций, парафразом оды которого является пушкинский текст, и Ломоносов, и Державин.

Увенчание поэта за его заслуги — как же без него? А вот у Пушкина акцентируется значимое и чрезвычайно существенное умолчание о земной награде — потому именно, что он уповаает на иное, пасхальное, увенчание: во всяком случае, фраза «душа в заветной лире» отсылает именно к нему.

Но как же мои грехи, памятью о которых я «трепещу и проклинаяю» себя самого? Покаянно вспоминает об этих грехах поэт и в последнем своем цикле, но вместе с тем надеется и на милость Божию к его собственным падениям. Во всяком случае, как он сам призывал к той же милости — по отношению к падшим: «и какой мерой вы мерите, такой будет отмерено и вам» (Мф. 7:2).

Сочетание свободы и послушания, свободное послушание, является подлинным поэтическим открытием Пушкина. Поздний Пушкин в итоге приходит к выводу, что быть послушным «велению Божию» — цель творчества. Разве и этого нам еще недостаточно?

Я бы посоветовал читать Пушкина не «по порядку», а напротив, открывая его томики наудачу, как уж они откроются. «Плохих», «ученических» произведений у Пушкина нет совсем. «Мой» Пушкин — это не «школьный» Пушкин, а голубые томики его малого академического издания. Я эти томики собирал для своей библиотеки и читал с младшего школьного возраста, совершенно не по «школьной программе». Там были и наброски, и варианты, и незавершенные тексты. Может быть, для тогдашнего моего возраста некоторые произведения читать было и слишком рано, однако же в какой-то степени эти томики сформировали меня самого, а читал я их в совершенно произвольном порядке. Ну а если уж требуется более определённый совет — то начните перечитывать Пушкина «с конца», с «Капитанской дочки», которую Михаил Пришвин назвал «своей родиной», с того же «Каменноостровского цикла» — с поэтическим парафразом

Страстной Седмицы и её Пасхального завершения. Пушкин может помочь нам уразуметь саму душу России, однако и нам для этого нужно приложить некоторые духовные усилия.

С возрастом гений Пушкина меняется, так сказать, свой вектор пути. Он оставляет далеко позади себя своих современников и ведущих критиков как своей эпохи, так и последующих. В том, что последний этап лирики Пушкина — вершина его развития как поэта, из ведущих отечественных литературоведов усомнился, пожалуй, один лишь Ю. Н. Тынянов, согласно чрезвычайно оригинальному суждению которого, в лирике Пушкин «к концу только самый остроумный и лучший собственный эпигон». Впрочем, о «закате таланта» поэта объявлял же и В. Г. Белинский — в рецензии на издание его стихотворений в 1835 г.: «в этом закате есть ещё какой-то блеск, хотя слабый и бледный», так что между революционно-демократической критикой и формалистским «спецификаторством» имеется более глубокая преемственность, чем это принято у нас считать.

Но Пушкин с годами стал мудрее. Отдав юношескую дань «безумству гибельной свободы», он обрёл другую свободу (с большой буквы, как в его «Памятнике»): внутреннюю, духовную, христианскую.

Хотя учёные споры о том, каким был Пушкин, по-видимому, никогда не закончатся, тем не менее, никем всерьёз не оспаривается вектор духовного пути национального гения — от эпикурейских проказ юности к письму Чаадаеву, позднему прозе и лирике. В своей совокупности эти разножанровые свидетельства последнего года жизни Пушкина и можно рассматривать, разумеется метафорически, как три пушкинских завещания.

В письме к Чаадаеву Пушкин, полемизируя с историософскими воззрениями последнего, настаивает на особом предназначении России, подчёркивая: «клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Эти строки хорошо известны. Куда меньше обращалось внимание на знаменательное совпадение: 19 октября 1836 г. датировано не только это письмо, но и пушкинское Послесловие к «Капитанской дочке». Однако же такой внимательный и глубокий пушкинский читатель, как М. М. Пришвин, записал в 1933 г. в своём Дневнике: «Моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где я наладился жить, — то и другое для меня теперь археология, моя родина, непревзойдённая в простой красоте, в сочетавшейся с нею доброте и мудрости, — моя родина — это повесть Пушкина “Капитанская дочка”». Поразительные и небывалые строки! Какое ещё литературное произведение кто и когда мог назвать своей родиной?

Однако же наше литературоведение долгое время явно отставало от подобных писательских интуиций. К примеру, такой весьма квалифицированный учёный, как Ю. М. Лотман, ещё в 60-е годы того же века прочитывал «Капитанскую дочку» совершенно иначе, можно сказать, противоположным образом.

Сделаем и некоторые общие

выводы относительно вектора пути Пушкина, учитывающие все три его «завещания». Совершенно ясно, что односторонними являются как попытки непременно вписать этого нашего «француза» в европейский культурный контекст, преимущественно инославный, так и обязательно увидеть в его произведениях сплошь «местное» православное содержание (скажем, цитируемые мною строки Пушкина об отечественной истории, «какой нам Бог дал», наше всё пишет-то по-французски...).

Ф. М. Достоевский, говоря о значении Пушкина для России, особо выделил «способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций». Согласно убеждению Достоевского, «способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит её со всем народом нашим, он есть и совершеннейший выразитель этой способности в деятельности художника».

Напоминая о пушкинских «Сценах из Фауста», «Дон Жуане», «Пире во время чумы» и других произведениях, Достоевский, переводя его высказывания на язык литературоведения, утверждает парафрастичность Пушкина и связывает эту пушкинскую особенность с всемирностью и всечеловечностью русского народа.

При этом «последнее слово», которое, как надеется Достоевский, скажет ещё народ, есть слово Христос. Это слово как раз и означает то чаемое «всемирное» — вселенское — единение во имя Христово (то «братское окончательное согласие всех племён по Христову евангельскому закону», которое в русской культуре накрепко срослось с именем Пушкина, соединившего «чужие гении в душе своей, как родные»). Никто со времени этой речи не сказал лучше о главном в Пушкине.

В стихотворениях Каменноостровского цикла соединились церковно-славянское и итало-французское (а ещё и римско-античное) культурные поля. Однако соединились не на абстрактно-«общечеловеческом» фундаменте, а на фундаменте христианско-вселенском, в его православном — для русской культуры — изводе, акцентируя пасхальный смысл этой культуры: паломничество к Пасхе как духовный путь самого поэта. В «Капитанской дочке» можно узреть соединение — на том же фундаменте — простонародного и дворянского (видимо, что-то подобное и почувствовал дворянин Пришвин, называя это своей родиной). Тот же пасхальный вектор пути — после Пушкина — можно заметить и у Гоголя — с его задачей воскресения «мертвых душ» (и тем же пасхальным вектором «Выбранных мест...»), и у самого Достоевского.

Продолжая споры о том, каким был Пушкин, уже невозможно, как это зачастую происходило ранее в советской науке, игнорировать его твёрдого убеждения в том, что именно «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер». В поэтике позднего Пушкина воплощаются важнейшие грани русского национального характера; при этом важно не забывать о духовном истоке его «особенности»: православии.

РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ ЧУЖОЙ АРМИИ

В 1938 году в чехословацкой армии служил 141 генерал - 137 чехов, 1 словак и трое русских.

Наибольшей известностью из этих троих пользуется Сергей Николаевич Войцеховский. Он родился в 1883 г. в офицерской семье, закончил Константиновское Артиллерийское Училище и Николаевскую Академию Генерального Штаба. Я не буду перечислять его назначения, награды и ранения. Отмечу одно: в отличие от многих других деятелей Белого Движения, после гибели монархии Войцеховский не сделал стремительной карьеры.

Сергей Николаевич дослужился до полковника в 1916-м и остался полковником в 1917. Он был назначен начальником штаба пехотной дивизии в январе 1917 и остался на этой должности после февраля. Само по себе это характеризует его с самой лучшей стороны.

В августе 1917 г. Войцеховский стал начальником штаба одной из чехословацких дивизий русской армии (опять назначение без повышения), и с этого момента его судьба была связана с чехами.

Он был одним из тех, кто поднял восстание чехословацкого корпуса против большевиков, командовал сначала полком имени Яна Жижки, потом Самарской группой войск правительства Директории. Был произведен Чехословацким Национальным Комитетом в генералы. Взял

Челябинск, Троицк и Златоуст.

В марте 1919 г. Войцеховский перешёл на службу к Колчаку (к тому времени между чехословаками и Колчаком уже были сильные трения). Командовал корпусом, группой войск, армией. Одерживал победы на просторах от Уфы до Иркутска. Лично застрелил генерала Гривина за совольное оставление фронта. После смерти Каппеля завершил Ледяной Поход, выведя армию в Забайкалье.

Ряд русских источников утверждает, что после выдачи Колчака Иркутскому Политсовету чехословацким генералом Яном Сыровым, Войцеховский вызвал Сырового на дуэль. Однако чешские источники по этому поводу хранят молчание, и я не берусь подтвердить или опровергнуть данную информацию (Сыровый был участником сражения у Зборова и завоевал на родине статус национального героя).

С атаманом Семёновым у Войцеховского, сторонника жёсткой дисциплины, отношения не сложились. Войцеховский был направлен в Крым.

В ноябре 1920 он ушёл с Врангелем в Константинополь.

В 1921 году Войцеховский переехал в Чехословакию, где вновь поступил на военную службу. Его карьера складывалась удачно.

В 1933 г. Ян Сыровый, покидая пост начальника Генерального Штаба, порекомендовал на этот пост Войцеховского. Тот отказался от предложения, сочтя, что общественность может негативно воспринять на этом посту иностранца, к тому же белогвардейца. В чехословацком обществе того времени существовали определённые просоветские симпатии, усилившиеся после начала военного сотрудничества с СССР.

В 1935 г. Войцеховский был назначен командующим Пражским Военным Округом. Это сделало его четвёртым человеком в иерархии чехословацкой армии.

По долгу службы ему приходилось встречаться с советскими военными представителями. Он никогда не подавал им руки и принципиально разговаривал с

ними только по-французски. Во время мюнхенского кризиса 1938 года Войцеховский занял максимально жёсткую позицию.

19 сентября Великобритания и Франция призвали Чехословакию удовлетворить требования Германии и передать ей Судеты. В этот же день Войцеховский предложил провести немедленную мобилизацию. 22 сентября в результате всеобщей забастовки и массовых демонстраций правительство Милана Ходжи пало, и пост премьер-министра занял генерал Сыровый.

23-го была объявлена всеобщая мобилизация. Войцеховский был назначен командующим первой армии. В случае войны против неё был бы направлен удар основных немецких сил. Республика сочла старого белогвардейца самым надёжным из своих защитников.

Однако 30 сентября президент Бенеш подписал Мюнхенский договор, и премьер-министр Сыровый отдал приказ не оказывать немцам сопротивления.

Войцеховский боролся ещё два дня. На встрече с генералами он предложил свергнуть правительство, взять полноту власти в свои руки и защищать страну. Его не поддержали.

Но Войцеховский не сдался. После оккупации страны немцами он вместе с генералами Сергеем Ингром, Гуго Войтой и Йосефом Билым стоял у истоков подпольной организации Оборона Нации.

Одна деталь: имя Сергей у чехов практически не встречается и воспринимается ими как типично русское. Родители назвали Ингра Яном. Имя Сергей он взял себе сам, воюя в Легионе в России.

Впоследствии Войцеховскому пришлось отойти от активного участия в подпольной деятельности. Он был слишком известен и находился под надзором Гестапо. Была и другая причина его отхода от дел. Чехословацкое сопротивление в значительной мере ориентировалось на СССР, а сотрудничество между советскими и Войцеховским было невозможно.

Видимо, это спасло Войцеховскую жизнь. Войту и Билого Гестапо казнило в 1941 г. (Ингр выбрался

в Лондон и стал там министром обороны чехословацкого правительства в изгнании).

12 мая 1945 года Сергей Войцеховский был арестован в Праге смершевцами. Семью он успел заблаговременно отправить на Запад, навстречу американцам. Его потомки и сейчас живут в Нью-Джерси.

Советские органы вывезли из Чехословакии в СССР около тысячи русских эмигрантов. Через десять лет в Чехословакию вернулось около двухсот из них. Судьбы большинства из тех, что не вернулись, известны лишь приблизительно. В основном они погибли в лагерях. Самым старшим из них был князь Пётр Долгоруков, 1866 года рождения, один из основателей кадетской партии и заместитель председателя Государственной Думы. Никому из чехословацких русских не было предъявлено обвинение в сотрудничестве со странами Оси.

Через неделю после начала боевых действий между Германией и СССР представители основных эмигрантских политических течений сошлись в ресторане "У принца" на Староместской площади и договорились о прекращении на время войны антисоветской деятельности. Поддержка власовского движения в среде живших в Чехословакии русских была близка к нулю. Она ограничилась созданием госпиталя для раненых власовцев.

Среди участников встречи в ресторане "У принца" был и князь Чхеидзе, евразиец и сторонник сотрудничества с СССР. Ему советские дали десять лет. В Озерлаге Чхеидзе повстречал Войцеховского. Сергей Николаевич был там санитаром. Умер Войцеховский в 1951 г. под Тайшетом. Его могила не обнаружена.

В 1997 году президент Гавел издал указ, который я процитирую: "Наградить генерала Армии Сергея Войцеховского за исключительные заслуги в деле обороны и укрепления безопасности государства Орденом Белого Льва III степени (посмертно)".

Ф. Сергеев

НИКОЛАЕВСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Вот итог совещания в Ставке 1 апреля 1916 года, где планировалась летняя наступательная кампания.

Генерал А. Куропаткин, командующий Северо-Западным фронтом: «На успех рассчитывать очень трудно, прорыв фронта немцев совершенно невероятен».

Генерал А. Эверт, командующий Западным фронтом: «Следует продолжать держаться оборонительного образа действий до тех пор, пока мы не будем обладать тяжелой артиллерией в том же размере, как наш противник».

Генерал А. Брусилов, командующий Юго-Западным фронтом: «Мой фронт не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убеждён».

Император Николай Второй, как главнокомандующий, поддержал А. Брусилова и дал приказ наступать. «Настоящий боевой генерал»

Куропаткин, прошедший и среднеазиатскую экспедицию Скобелева, и Русско-Японскую войну, сказал Брусилову: «Что вам за охота подвергаться крупным неприятностям? Я бы на вашем месте всеми силами открещивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении дела могут вам лишь сломать шею, а личной пользы не принесут...»

Но подбодренный поддержкой Государя, Брусилов выбрал вариант «сломать шею».

Четвёртого июня 1916 года Юго-Западный фронт перешёл в наступление. И, если опять рассуждать с формальной точки зрения, шансов на успех у него не было. Войска под началом Брусилова явно уступали австрийцам, которые, к тому же, создали, как тогда считали, «непроходимую линию обороны»...

Однако успех был не просто полным, а превосходящим

все ожидания. Вот мнение британского атташе, генерал-майора Альфреда Нокса:

«Австрийцев отогнали назад по фронту, который они укрепляли на протяжении девяти с лишним месяцев; при этом наступающая армия была по техническому обеспечению значительно слабее их собственной».

А фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте, прямо признавал, что наметился перелом, сулящий уже во второй раз вывести Австро-Венгрию из войны:

«Русское наступление дошло до самого гребня юго-восточных Карпат, этой последней защиты Венгерской страны. Вряд ли можно было с имеющимися в нашем распоряжении силами удержать в наших руках этот важный пункт». Это было чудо, сотворённое крепкой волею

Государя, поддержавшего «неправильного» генерала Брусилова. Темп наступления русских войск составлял семь километров в сутки. В те же дни германцы, наступая под Верденом, в среднем продвигались за сутки на сорок метров.

По адресу Императора Николая II летело множество поздравительных телеграмм.

Вот одна из них, от президента Франции Рэймона Пуанкаре: «Блестящая победа! Франция затрепетала от радости при этом счастливым известии!»

Чудо Брусиловского прорыва серьёзно изменило геополитический расклад Европы — в войну на стороне Антанты неожиданно вступила Румыния...

Однако так называемое «Брусиловское наступление» по всей справедливости надо бы называть «Николаевским наступлением».

О. Бартнев

МЫСЛИ КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕРА

ДЕПОПУЛЯЦИЯ

Словосочетание «зелёная повестка», которое, казалось бы, описывает энергопереход к возобновляемым источникам энергии и век зелёных безлюдных производств, на самом деле есть общественно-приемлемый на сегодняшний день эвфемизм слова «депопуляция», ибо понятно, что депопуляция это единственный по-настоящему действенный экологический механизм её фундаментального решения. Говорят «зелёная повестка» - подразумевают «сокращение населения». Таковы законы современных общественных медиа и современной общественной культуры - они не могут пока быть открыты антигуманистическими.

Но скоро время всеобщего сбрасывания масок придёт. У низовых активистов экологических движений - зелёная повестка, у мировых элит - непроговариваемая пока открыто депопуляция. Это об одном и том же. О том, что на-до сбросить накопленный под умирающее ныне индустриальное общество пятикратно избыточный и генетически небогатый низовой популяционный запас.

О ЗАПРЕТЕ ЛГБТ

Запрет «движения ЛГБТ (гомосексуалов, бисексуалов, трансгендеров, квириков и интерсексуалов) в РФ несостоятелен потому, что одновременно с ним не запретили сексуализированные пытки в камерах предварительного заключения, тюрьмах, армейских казармах, подводных лодках, автономных станциях, не запретили оперативную гэбню, а так же иные монастыри Московской Патриархии, Госдуму, телеканал Russia Today и всю эстрадную попсу.

Честнее запретить не ЛГБТ, а РФ, в которой чуть не каждый юноша в армии проходит через обряд «посвящения в мужики» или «опущения в петухи». Запретите РФ, первое на планете brutальное (и террористическое, кстати) бабомужицкое царство, верните Историческую Россию, и не будет в России ЛГБТ. В аристократической Русской Императорской Армии ЛГБТ не было, потому что мужиков за подобное малейшее их мужиковство сразу секли плетью.

Нет никакой иерархическо-институциональной содомии и в современной армии США, нет «управляемых геев с компроматом» и в спецслужбах этой страны.

«МЕДИЯ МЕНАДЖЕРЫ» РФ

Я и сам когда-то «терся» вокруг этой профессии и по последнему месту работы я скромный медиааналитик. Я представляю себе этот их мир. Когда в «Коммерсанте», «Интерфаксе», в «Ведомостях» выходят те или иные резонансные статьи я детально понимаю, что их медиа-менеджерам приходится всякий раз относительно выхода этих статей пережить. И они станут «новыми «Огоньками» грядущей Перестройки 2.0, конечно. Я всё это наблюдал в середине-конце 1980-х годов, дай их редакторам Бог сил. Нынешняя путинская публика небезосновательно именуется их «ждунами», «пятой колонной», «не объявленными иноагентами».

У неосоветчины нет сил и возможностей победить. Её со скрипом терпят как доминантную ныне силу, но сдохнет Путин и сразу обрушится всё - посыплется карьеры, грибки неосоветских подонков, волна самоубийств захлестнёт их мир. Так уже на моей памяти было и будет снова, и впредь.

КУЛЬТ «ПОБЕДЫ»

Проблему для дальнейшей гуманизации граждан РФ я вижу в нынешней государственной политике, чрезмерно-гипертрофированно прославляющей советскую победу 1945-го года. Без этого культа, за сомнение в котором в РФ ныне дают огромные тюремные сроки, Россия - обычная восточноевропейская страна, бедноватая, конечно, даже по восточноевропейским меркам, и чрезмерно коррумпированная, но ничем существенно не выделяющаяся из масс бывших братьев по несчастью из социалистического лагеря.

Но, к сожалению, культ «победы» определяет текущую повестку в огромной степени, а сам этот культ это массовое нравственное умопомешательство.

Нельзя, живя в правовом государстве современного европейского типа, славить «победы» тех, кто отверг основы и принципы греко-римской христианской европейской цивилизации как таковой. Это ведёт к патологии сознания, к коллапсу логики, здравого смысла, к этической анорексии, к потере истинных ценностных европейских и общечеловеческих основ.

И к конфликту со всей Восточной Европой, само собой. Западная лишь на подхвате у Восточной. Ядро европейского сопротивления экспансии Путина это никакие не «англосаксы», до сих пор смутно представляющие себе свою собственную историю XX века, но восточноевропейцы, для которых их национальная история, напротив, открытая и хорошо изученная книга. Рассказывать им, что Сталин лучше Гитлера, а так же игнорировать свой концептуальный проигрыш в Третьей (холодной) Мировой и пытаться пересмотреть её итоги военным путем - это значит навсегда закрыть себе путь в общеевропейское будущее и будущее мира вообще.

Для Европы СССР это анти-Рим, а «Европа Отецеств» Гитлера это военно-полевая карикатура на Рим, сражающийся с анти-Римом, и другие сравнения тут невозможны.

РФ не понимает, что проиграла в 1991 году Третью (холодную) Мировую войну, что полностью обесценило «четверть-выигрыш» (над четвертью населения Германии) во Второй Мировой.

В Германии, которую на четверть победили советские люди, был установлен красный террор, который по социальным разрушительным последствиям можно сравнить только с вторжением в Европу Аттилы, и то это сравнение будет в пользу Аттилы, ибо он массово не отменял прав собственности и религиозных прав европейцев. Славить красные победы это всё равно что славить победы даже не гуннов, но словесных доисторических

обезьян (тех же неандертальцев) над миром кроманьонцев-людей.

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

А может быть Россию всё-таки ждёт доброе будущее? В конце-концов, несмотря на нынешний кризис, все последние тридцать три года качество населения непрерывно улучшалось - худшие вымирились, а лучшие совершенствовались в том, чтобы быть и выглядеть людьми. Во времена моей юности шпана на окраинах Москвы ходила «районом на район», это был неприменный этап становления 85 процентов русских городских «пацанов» (и 100 процентов «пацанов» сельских), а теперь этого и близ-ко нет. Пропали из Москвы и наиболее ужасные советские лики, архаические (переселённые прямо из колхозов) лимитчики-мужики. Правда, их заменили азиатские мигранты, ну да последних скоро сменят роботы, это ничего.

Возможно, большинству совкового ядра просто нужно дать спокойно довымереть, а в больших вестернизированных городах ситуация после смерти Путина выправится социал-антропологически сама собой? Бог весть. Как бы я скептически не относился к жителям РФ, а отрицать существующий их за последние десятилетия прогресс я не могу. Я ведь прекрасно помню что они, их отцы и деды представляли из себя в позднем РСФСР. Наши времена, когда бывшая уличная шпана цитирует Цицерона и Ильина, имеет пусть и полученные не совсем законно, но научные степени, -это для советской моей юности какая-то сюрреалистическая сказка. И пусть уж лучше она, чем РСФСР.

РЕЛОКАНТЫ

Изо всех релокантов (лиц перемещённых из РФ в другую страну) пожалуй только у меня генеалогические и социал-антропологические разногласия с путинской властью, а не стилистические, экономические, правовые или политические. Последние я упоминаю вскользь, ибо что ж плакать по волосам снявши голову.

Когда во власти и бизнесе одни рабоче-крестьянские внуки, дети колхозников, вохры и слесарей, советские генералы, боксёры, певички, народные доктора и академики - совершенно не важно, о какой сфере общественной жизни и институтах мы говорим - везде будет одинаковый треш и угар плюс-минус. Чтобы понять настоящее изучайте время первого советского НЭПа по эмигрантским изданиям и свидетельствам 1920-х.

Вот вся Релокация этого до сих пор не понимает. Эмиграция Первой Волны, с которой я общался в Европе в конце 1980-х, читала «Окаянные дни» Бунина, другие подобные же страшные свидетельства и ещё понимала, что дело в антропологии, а второй, третьей, четвёртой уже нет.

Мельчает Эмиграция-Релокация, мельчает. Может быть я последний такой с киренийской горы, от которого правду Русского Рассеяния 1920-1930-х годов услышать можно. Это потому, что я в Копенгагене в библиотеке храма РПЦЗ прочёл в свое время все под-

шивки многочисленных русских эмигрантских изданий, ну и получил от сухеньких восьмидесятилетних, но очень опрятных, с прекрасной осанкой и дореволюционной культурной речью прихожан своего рода инициацию. Что их изгнали из России родичи-соплеменники-русские они вовсе не считали, а себя русскими, пусть часто и с немецкими фамилиями, считали.

Они видели в Гражданской войне этнический конфликт русских с безнациональными подлюдинами и подлецами, существами архаическими и первобытными, придумавшими себе свою советскую интернациональную сверхнацию под банальное всеобщее ограбление собственников в пользу дикарей деревенских и недавно городских, установивших у себя асабийю упоротых люмпенов и воров всех наций.

Желаю всей Релокации хорошего, доброкачественного русского культурного чтения. Будущее растёт из прошлого, а 2020-е это постмодерновый извод 1920-х.

БЛИЗЯТСЯ СРОКИ

Господин без Господа в голове... это вещь, известная ещё Древнему Риму, мировая проблема и штука, конечно, страшная. Вроде и костюмчик сидит, и силикон не давит, и слова-то порой христианские или гуманистическо-постхристианские, а лоб низкий и Господа-то в голове нет - есть Мамонна, культ власти, денег и гедонизма. Но всё-таки не такие уж они эгоисты. Им важно где-то быть и частью чего-то большого являться, это наполняет их смыслом.

А мне, например, не важно - Господь со мною повсюду. По родине не тоскую, только по раскиданным по свету и оставшимся в России родным и близким, но часть из них уже изошли из привычных локаций или собираются это сделать в ближайшее время. Нынешние релокации пока ещё никем, тем не менее, не ощущаются как окончательные, как эмиграция. Так же было, конечно, и в 1920-х.

Но сейчас время бежит быстрее, интересная развязка наступит не через 24 или 74 года, так что кто знает. Сейчас я отвожу российской асабийе ну максимум десять лет, когда уйдёт поколение, сформировавшееся в конце 1970-х.

Моё собственное поколение конца 1980-х годов ничего такого уже не допустит. Оно хоть и ленивое, и ничего в жизни толком не добившееся, но нет в нём ностальгии по СССР и всем этим слётам во дворцах пионеров, парадам физкультурников, ленточкам и красным знаменам, прочим путинским привидениям из прошлого. Моё поколение от всего этого тошнит - вроде избавились такой кровью от белого африканства и красного идиотизма, а семидесятники опять нас с головой в то же самое окунули. Как дурной нескончаемый сон, честное слово. Откуда у них такой задор? Даже мы, которые моложе их, уже еле живы.

Можно точно и строго утверждать, что РФ в нынешнем виде осталось не больше 10 лет, но может, кто знает, и гораздо-гораздо меньше.

А. Рейнке